

В. Ю. ФРАНЧУК

Обращение в летописном тексте

Изобразительная роль обращений в современных восточнославянских языках, их стилистические разновидности и приемы употребления достаточно хорошо изучены.¹ Отмечается, что обращение — это интонационно выделенный компонент предложения, называющий существа или персонафицированные предметы, к которым адресована речь. Наличие обращений усиливает стилистическую функцию чужих слов, выражающих положительную или отрицательную оценку, одобрение или порицание лица, совершившего тот или иной поступок. Функционируют обращения в предложениях различного синтаксического строя. Употребляясь в побудительных, вопросительных и восклицательных предложениях, они служат и для более четкого противопоставления частей сложного предложения с прямой речью, способствуют более яркому выявлению субъекта, которому предписывается, предлагается что-либо сделать, выполнить, отвечать. При недостаточно умелом использовании авторских комментариев обращения играют дополнительную информативную роль.

Конструкции обращения в древнерусском языке изучались преимущественно с точки зрения наличия или отсутствия в них специальной звательной формы. Исключение составляет статья М. Б. Михайловой и Л. Е. Алексеевой «О динамике стилистических функций обращения в древнерусской житийной литературе».²

Обращение как средство оценки и характеристики в летописной прямой речи анализировать особенно трудно, так как летописный текст неоднороден. Продуктивным в данном случае представляется предложение О. В. Творогова различать в летописи «речь документальную, иллюстративную и сюжетную».³ К первой ее разновидности автор относит обращения князей к дружинникам, речи, передаваемые ими через послов, или, наоборот, речи горожан к князю и т. д.

Иллюстративная прямая речь употребляется для оживления описания, и в ней сохраняются основные приемы, присущие документальной речи «Летописец, — пишет О. В. Творогов, — еще не решаетя отойти от требования документальности, поэтому иллюстративная речь в основном

¹ Грамматика русского языка М., 1954 Т. 2, ч. 2 С. 126—129, Ефимов А. И. 1) Стилистика художественной речи М., 1961 С. 458—473 2) Стилистика русского языка М., 1969 С. 207—216, Розенталь Д. Е. Практическая стилистика русского языка М. 1965 С. 344—345, Вихованець І. Р., Городенська К. Г. Грищенко А. П. Грамматика української мови Київ, 1982 С. 179—180

² Историческая стилистика русского языка Петрозаводск, 1990 С. 83—87

³ Сюжетное повествование в летописях XI—XIII вв // Истоки русской беллетристики Л., 1970 С. 55 (глава I, автор О. В. Творогов)

пересказывает то, что происходит, она легко воссоздается, на основе самой ситуации».⁴

Сюжетная прямая речь, по мнению О. В. Творогова, употребляется чаще всего в составе летописных рассказов для передачи частных бесед, внутренней речи персонажа как средство его характеристики. Являясь одним из важнейших компонентов сюжетного повествования, она отличается эмоциональностью, психологичностью. А диалоги иногда сопровождаются описанием говорящих, их жестов и поз, их настроения.⁵ К сюжетной прямой речи О. В. Творогов относит и этикетные монологи князей, подчеркивая их прямую противоположность рассмотренным им диалогам из «Повести временных лет» (разговор новгородца с кудесником, беседа князей Давыда и Святополка с князем Васильком Теребовльским, беседа князей на Долобском съезде)⁶

Особенности обращения в документальной и иллюстративной прямой речи наиболее выразительно проявляются в побудительных предложениях с глагольными сказуемыми в форме повелительного наклонения: «Преставися князь руский Ярославъ. И еще живу сущю ему, наряди сыны своя, реки им: „Се аз отхожу свѣта сего, а вы, сыновѣ мои, имѣйте межи собою любовь“» (ПВЛ, с. 113);⁷ «И сѣдшим всей братьи в Всеволода на сѣнх, и рече им Всеволод: „Игорю, цѣлуй крест, яко имѣти братью в любов, а Володимир, и Святослав, и Изяслав, цѣлуйте крест ко Игореву, что вы начеть даяти, но по воли, а не по нужи“» (КЛ, с. 227); «Присла король ко Святославу, тако река: „Брате, пришли сына своего ко мнѣ, чим ти ся есмь обѣщал, то ти исполню“» (КЛ, с. 446); «И посемь Лев приѣха к нему в монастырь и поча молвити Войшелкови: „Куме, напиemyся“» (ГВЛ, с. 573).

В таких предложениях побуждение, приказ, просьба и другие волеизъявления относятся к адресатам, имена которых выражены в звательном или именительном падежах.

Встречаются обращения и в вопросительных предложениях прямой вопросительности, близких к побудительным, например: «Ярополк же идяше по немь, плачяся с дружиною своею: „Отче, отче мой, что еси бес печали пожил на свѣтѣ семь, многи напасти приемь от людѣи и от братья своя?“» (ПВЛ, с. 141); «Володимер же рече Андрѣви Гюргевицю и Володимеру Андрѣвичю: „Како есть княжение свата моего, аже рать на нь из Володимеря идеть, а како того не увѣдати? А ты, сын его, сѣдиши в Пересопници, а другый Бѣлѣгородѣ, како того не устеречи?“» (КЛ, с. 289); «В то же веремя Володимер Андрѣвичь нача припрашивати волости у Мьстислава. Мьстислав же уразумѣв, оже извѣтом у него просить волости, рече: „Брате Володимере, ци давно еси хрест цѣловал ко мнѣ и волость взял еси у мене?“» (КЛ).

В повествовательных предложениях, двусложных и односложных, при помощи обращения привлекается внимание адресата к сказанному: «Якоже Ольга часто глаголаше: „Аз, сыну, Бога познах и радуюся“» (ПВЛ, с. 40); «И послаша кияне к Святославу, глаголюще: „Ты, княже, чужей земли ищешь и блюдешь, а своя ся лишив“» (ПВЛ, с. 43); «Святослав же рече: „Право, брате, гнѣвался есмь на тя про то, оже ми еси

⁴ Там же С 57

⁵ Там же С 58

⁶ Там же С 61

⁷ Примеры из «Повести временных лет» (ПВЛ), Киевской (КЛ) и Галицко-Волынской (ГВЛ) летописей приводятся по изданию Летопись по Ипатскому списку СПб., 1871 Нумерация страниц в тексте в круглых скобках

Черниговской волости не исправил“» (КЛ, с. 341); «Онѣм же повѣдающим: „Господине, добри вси и здоровѣ, и боярѣ и слуги“» (ГВЛ, с. 592).

В летописном тексте обращения выражаются различными категориями слов и словосочетаний, здесь употребляются различного рода определения или слова, эмоционально окрашенные, с семантикой положительной или отрицательной оценки. От семантики слова, которым выражено обращение, зависит то, каким стилистическим целям оно служит. Встречаются различные типы обращений: 1) одиночные, выраженные местоимением, собственным или нарицательным именем; 2) развернутые, состоящие из нескольких слов или словосочетаний.

Функция одиночных (простых) обращений заключается в том, чтобы выделить из общего числа лицо или лица, которым адресована речь: «Давыд же князь не пусти княгинѣ с мужем до Киева, рече ей: „Како ты могу, ятры, пустити? А пришла ми вѣсть ночь съ, оже Мьстислав в Василевѣ“» (КЛ, с. 374).

В развернутых обращениях адресат не только называется, но и определяется отношением говорящего к нему. Например: «Василко же ида под город и взя собѣ в руку каменя; пришедше под город и нача молвити горожаном, а татарове слышать послании с нимъ: „Костянтине холопе, и ты, другой холопе, Лука Иванковичю! Се город брата моего и мой, передайтеся“; молвив, да камень вержетъ доловь, дая им разум хитростью, а быша ся билѣ, а не передавалися» (ГВЛ, с. 563).

Встречаются случаи, когда в роли обращения выступает сочетание местоимения с существительным, собственным или нарицательным. В таком случае достигается «большая надежность в передаче языковой информации»,⁸ дублирование способствует более четкому выделению лица, к которому обращена речь. Например: «Святослав же съвокупився с братьею своею и с половци, и рече Святослав братьи своей: „Се аз старѣ Ярослава, а ты, Игорю, старѣ Всеволода, а нынѣ я вам во отца мѣсто осталъ, а велю тобѣ, Игорю, сдѣ остати“» (КЛ, с. 418).

Существительные в качестве обращения, если они сами по себе не несут никакой эмоциональной нагрузки, сочетаются с прилагательными или с другими словами, в сочетании с которыми они наряду с общей выделительной функцией приобретают различные оценочные значения. Например: «Володимѣру же люба бысть рѣчь та <...> и начат молвити княгини своей: „Хочю послати по брата своего по Мьстислава, а бых с ним ряд учинил о землю и о города, и о тобѣ, княгини моа мила Олго“» (ГВЛ, с. 593).

Отличительной особенностью многих обращений в летописном тексте является использование существительных, обозначающих родственные отношения, для выражения вассальной зависимости.⁹ Таким положением вещей объясняется, например, то, что в одном случае герой «Слова о полку Игореве» Святослав Всеволодич признает своих младших родственников Романа и Рюрика Ростиславичей равными себе «братьями» (КЛ, с. 603, 663), а в другом называет Всеволода Юрьевича, двоюродного дядю по матери, не только «братом», но и «сыном» (КЛ, с. 619), подчеркивая тем самым его подчиненное положение.

Указанные выше особенности употребления терминов родства наблюдаются в так называемом «Золотом слове» Святослава: «Тогда великыи

⁸ Супрун А. Е. Лексическая система и методы ее изучения // Методы изучения лексики Минск, 1975 С 19

⁹ Подробнее см в нашей работе Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении Киев, 1986 С 104—108

Святъслав изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: „О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати <...> А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и многовои брата моего Ярослава“». ¹⁰ Великий князь называет здесь своих двоюродных братьев Игоря и Всеволода сыновцами-племянниками в феодальном смысле этого слова. Ср. обращение Игоря Святославича к Святославу Всеволодичу, зафиксированное летописцем: «Отче! Добро бяшетъ тишина, но оже ся уже не годило; но абы ны Бог дал ты сдоров был» (КЛ, с. 417).

Далее, однако, картина меняется. Всеволод Юрьевич, которого летописный Святослав Всеволодич считает своим вассалом, для автора «Слова» становится великим князем, а «брат и сват» Рюрик превращается в господина-повелителя. Вот эти строки: «Великыи княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти. Аже бы ты был, то была бы чага по ногатѣ, а кощи по резанѣ. Ты бо можеши посуху живыми шерешеры стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы. Ты, буи Рюриче и Давыде! <...> Вступита, господина, в злата стремя за обиду его времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!». ¹¹

Вероятно, именно в этом месте следует видеть переход от «Золотого слова» Святослава к обращениям автора «Слова о полку Игореве». Между тем разные исследователи представляют этот переход по-разному. Так, Е. В. Барсов считает, что «Золотое слово» оканчивается словами «За землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича». «И только затем, — пишет он, — начинаются рассуждения автора от своего лица. От Киевской Руси он обращается мыслию на Запад, к Полоцкому княжеству, некогда славному, с которым связано имя знаменитого Всеслава, и находит, что теперешние его потомки на него не походят и ждать от них помощи — нечего. Поэтому он говорит о полоцких князьях от самого себя и не заставляет Святослава звать к ним за помощью. Переход к этим рассуждениям — творческий и оригинальный». ¹²

О том, что именно Святослав обращался к удельным князьям за помощью, писали Г. Н. Моисеева ¹³ и другие современные исследователи. ¹⁴

Между тем «Золотое слово» Святослава Всеволодича от призывов автора «Слова о полку Игореве» отличает то, что последний находился на иной социальной ступени. Именно автор, нужно думать, ввел в состав обращений от своего лица термины «князь» и «господин», которых сами повелители Руси, общаясь друг с другом, как правило, избегали.

Сравнение летописного текста и текста «Слова о полку Игореве» показывает, что оба памятника передают отношение к адресату с помощью обращений в соответствии с представлениями своей эпохи.

В сюжетной прямой речи, которая является одним из важнейших компонентов сюжетного повествования в летописи, наблюдается смешение обращений летописного и житийного типов. Представляется, что оно обусловлено вставками житийного плана, включенными в историческое повествование, возможно, в разное время. Ниже приводятся примеры об-

¹⁰ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» М., Л., 1965 Вып. 1 С. 20

¹¹ Там же С. 21

¹² Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси М., 1887 Т. 2 С. 55

¹³ Моисеева Г. Н. О времени создания «Слова о полку Игореве» // РЛ 1985 № 4 С. 15

¹⁴ Горский А. А. Проблема даты создания «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве» Л., 1986 С. 34

рашений разного плана из рассказа Киевской летописи об убиении Андрея Боголюбского, которые свидетельствуют о том, что над ее текстом работали разные лица:

«Тѣмъ в память убьенья твоего, страстотерпце княже Андрѣю, удишася небеснии вои, видяще кровь проливаему за Христа» (с. 397).

«Ты же, страстотерпче, молися ко Всемогущему Богу о племени своемъ и о сродницѣхъ, и о землѣ Руськой, дати мирови мир» (с. 397).

«И рече один стоя у двѣрий: „Господине, господине!“ И князь рече: „Кто естъ?“ И он же рече: „Прокопѣ“. И рече князь: „О паробъче! Не Прокопѣ!“» (с. 398).

«И рече им: „О горе вам, нечестивии! Что уподобитесь Горясѣру? Что вы зло учиних? Аще кровь мою прольяете на землѣ, да Бог отомститъ вы и мой хлѣб“» (с. 398).

«Князь же узрѣвъ я идуща к собѣ, и въздѣвъ руцѣ на небо помолися Богу, глаголя: „Аще, Господи, и в сем осужение и конѣць приимаю, аще и много согрѣших, Господи, заповѣди твоя не схранив, но вѣдѣвъ, яко милостив еси, плачуща видиши и противу течеси, обращающа блуднаго“» (с. 399).

«Князь же възрѣвъ на небо и рече: „Господи, в руцѣ твои предаю тобѣ дух мой“» (с. 400).

«И нача плакати над ним Кузмище: „Господине мой, како еси не очютил сквѣрных и нечестивых пагубоубийственных ворожьбит своих, идущих к тобѣ, или како ся еси не домыслил побѣдити их, иногда побѣжая полкы поганых болгар?“» (с. 400—401).

«И рече възрѣвъ на нь Кузмище: „Амбале вороже, сверзи ковер ли что ли, что постѣлати или чим прикрыти господина нашего“» (с. 401).

«И рече Кузмище: „О еретиче! Уже псом выверечи? Помнишь ли, жидовине, в которыхъ порѣтѣхъ пришел бжешеть?“» (с. 401).

«И рече Кузмище: „Уже тебе, господине, паробъци твои тебе не знаютъ“» (с. 401).

«И поча весь народ плача молвити: „Уже ли Киеву поѣха, господине, в ту церковь, тѣми Золотыми вороты, их же дѣлать послал бжеше“» (с. 402—403).

В приведенных примерах выделяется автор-очевидец трагических событий. В его реалистическом рассказе использованы обращения — названия лиц, принимавших в этих событиях участие: *господине, паробъче, еретиче, жидовине, Амбале вороже*. Зависимость от житийной традиции чувствуется во вставках риторического плана. Сторонник потомков Юрия Долгорукого просит Андрея о помощи его родственникам в тяжелое для них время. Элементы агиографического стиля (обращение к убийцам — *нечестивии*, к Богу — *Господи*), скорее всего, внесены в текст рассказа составителем и редактором Киевской летописи игуменом Выдубицкого монастыря Моисеем.